

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

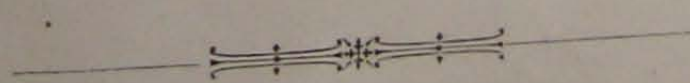
ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о .

Выпускъ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12.
1891.

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ГЛАВА V.

Религіозныя вѣрованія Якутовъ. Сущестующія въ литературѣ воззрѣнія на происхожденіе шаманства у Якутовъ. Отношенія Якутовъ къ православію. Несогласіе между дѣятельностію шамана и тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Посвященіе въ шаманство, заклинанія, костюмъ, мистерія. Перечень добрыхъ и злыхъ духовъ, ихъ вліянія на людей; приносимыя имъ жертвоприношенія. Языческая присяга и повѣрье о происхожденіи земли.

Обращаясь къ описанію религіозныхъ воззрѣнія Якутовъ, слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что по официальнымъ даннымъ всѣ или почти всѣ они православныя. Такъ изъ имѣющихся у насъ подъ рукой памятныхъ книжекъ по Якутской области за 1862, 1866, 1870 и 1882 годы, изъ первыхъ двухъ слѣдуетъ, что всѣ инородцы православныя; изъ третьей, что на 231,076 человѣкъ жителей Якутской области приходится лишь три язычника, безъ объясненія, какого именно вѣроисповѣданія (огнепоклонниковъ-ли, ламаитовъ, или шаманствующихъ); въ послѣдней-же вовсе не обозначено распредѣленіе жителей по религіямъ.

Частныя свѣдѣнія ученыхъ изслѣдователей и лицъ вообще посѣщавшихъ Якутскую область не вполне согласуются съ приведенными официальными извѣстіями, увеличивая число язычниковъ, при чемъ свѣдѣнія эти въ свою очередь не всегда одинаковы. Такъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ, Якуты значутся шаманствующими, по другимъ-же даже вовсе отрицается существованіе какой-либо шаманской религіи.

«Шаманство, читаемъ мы въ Сборникѣ обычнаго права, изданномъ профессоромъ Самоквасовымъ, не есть вѣра, или религія Якутовъ, но дѣйствіе частное, производимое въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, а именно: 1) надъ больными всякаго рода; 2) для отвращенія скотской заразы и особенно гибели телятъ; 3) для увеселенія, ибо шаманы въ семъ случаѣ дѣлаютъ фокусы и прорицанія о будущемъ; 4) надъ бѣснующимися».

Также упорно отрицаетъ существованіе шаманской религіи Н. С. Щукинъ въ изданной имъ, въ 1833 г., книгѣ «Поѣздка въ Якутскъ». «Шаманъ, говоритъ онъ, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть почтенъ

за жреца; онъ просто колдунъ, призыватель духовъ и приглашается или во время болѣзни, когда полагають, что больного мучить духъ, или въ другихъ важныхъ случаяхъ, когда надо узнать о будущемъ. У насъ напрасно говорятъ и пишутъ, продолжаетъ далѣе Щукинъ, что такой-то народъ имѣетъ шаманскую религію. Теперь нѣтъ шаманской религіи; да и была-ли она когданибудь?».

Съ другой стороны наше законодательство признаетъ шаманскую религію. То-же дѣлають гг. Шашковъ, Федоръ Соловьевъ, учитель Припузовъ и почтенный сотрудникъ нашего общества, извѣстный своимъ трудомъ по геологii и этнографii Сибири, Агапитовъ въ своихъ сочиненіяхъ по этому вопросу. Г. Агапитовъ въ образцовой статьѣ своей: «Шаманство у Бурятъ Иркутской губерніи» блистательно доказалъ существованіе шаманства у названныхъ Бурятъ, которыхъ гг. Самоквасовъ и Щукинъ считаютъ ламаитами. Первые три утверждаютъ тоже и по отношенію къ Якутамъ.

Гг.-же Припузовъ и Федоръ Соловьевъ говорятъ что сами Якуты объясняютъ, будто у нихъ не было вовсе никакой религіи до посѣщенія ихъ края первымъ шаманомъ, что, конечно, доказываетъ коренную связь ихъ вѣроученія съ мистеріями шамановъ. Извѣстіе это получаетъ еще большее значеніе, если сопоставить его съ сообщеніемъ Миддендорфа о томъ, что Якуты около двухъ сотъ лѣтъ назадъ поклонялись явленіямъ природы. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ взятые, позволяютъ предполагать, что космическій эпосъ аборигеновъ Якутской области преобразовался въ антропоморфическій подъ вліяніемъ ученія нѣкоего пришлаго шамана, пришедшаго, можетъ быть изъ страны Бурятъ. Спѣшимъ, однако, оговориться, что высказанная нами гипотеза о чужеземномъ происхожденіи якутскаго шаманства крайне гадательна и требуетъ еще подтвержденія своей достовѣрности со стороны ученыхъ и опытныхъ изслѣдователей, могущихъ заняться сравнительнымъ изученіемъ якутскаго и бурятскаго шаманства.

Боги имѣють кредитъ у дикарей, лишь пока приносятъ имъ матеріальную пользу. Исторія кишитъ примѣрами, когда проигранныя битвы были причиной отрицанія прежнихъ божествъ. Старые боги не помогли, надо слѣдовательно искать новыхъ—вотъ логика дикаря. Многимъ изъ насъ приходилось слышать, что Монголы мажутъ ротъ пищею своимъ идоламъ при удачномъ исходѣ предпринятыхъ ими дѣлъ и наказываютъ тѣхъ-же идоловъ розгами въ случаѣ неудачи.

Разъ мы усвоимъ ту точку зрѣнія, что некультурный человѣкъ уважаетъ своихъ боговъ лишь настолько, на сколько они ему приносятъ пользу, то яснымъ станетъ, что при нанесеніи удара авторитету этихъ боговъ догматическая сторона вѣроученія дикарей несравненно болѣе пострадаетъ, нежели практическая.

Разгромленіе якутскаго государства горстью смѣлыхъ пришельцевъ и рядъ административныхъ мѣръ, принятыхъ православными завоевателями должны

были, конечно, сильно понизить въ глазахъ Якутовъ значеніе ихъ боговъ. Они стали забываться. Дѣятельность миссіонеровъ способствовала такому повороту вещей. Боги почти совсѣмъ были забыты. «Я не могъ не замѣтить, говоритъ Миддендорфъ, что на распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и названіе которыхъ сопровождалось каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны объясняли, что такъ было нѣкогда. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и предо мной являлись только обломки, развалины прежняго ученія».

Теперешнее представленіе о богахъ, говоритъ около 30 л. спустя Федоръ Соловьевъ въ статьѣ своей «Остатки язычества у Якутовъ», перемѣшаны съ понятіями христіанскими. Христіанскій монотеизмъ послужилъ основою всѣхъ представленій ихъ. Настоящая статья изображаетъ, вѣроятно, послѣдній фазисъ отживающаго шаманства.

Между тѣмъ, условія жизни и по подчиненіи Якутовъ Русскими остались почти прежнія. Та-же необезпеченность существованія, тѣ-же неудовлетворительныя санитарныя условія, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Жрецы-же всегда и всюду соединяли въ себѣ обязанности священнослужителя, врача и предсказателя. Мы видимъ такое положеніе вещей и у древнихъ Индусовъ, и у Египтянъ, и у современныхъ намъ сѣверо-американскихъ дикарей и обитателей Полинезіи, Патагоніи; должно предполагать то-же и у Якутовъ.

За неимѣніемъ-же врачей Якуту по неволѣ приходилось и по утратѣ прежняго довѣрія къ богамъ своимъ, по старому, обращаться къ шаману за помощью при всякомъ случаѣ заболѣванія членовъ своей семьи или принадлежащей ему скотины. Отдѣльные случаи исцѣленія поддерживали вѣру въ чудотворную силу шамановъ и препятствовали паденію ихъ авторитета.

При полной необезпеченности средствъ къ существованію, Якута, конечно, постоянно интересуется вопросъ о томъ, будетъ-ли достаточенъ результатъ предстоящей охоты или рыбной ловли для прокормленія себя или семейства. Для разрѣшенія этого вопроса является съ предложеніемъ своихъ услугъ шаманъ. Какъ-же не воспользоваться ими человѣку въ силу низкой степени своего развитія, весьма склоннаго къ суевѣрію? Въ особенности-же когда грозныя и непонятныя явленія природы, въ родѣ пурги, или сѣвернаго сіянія постоянно поражаютъ дикаря и держатъ его въ безпрестанномъ страхѣ за его жизнь.

Постоянное-же одиночество позволяетъ Якуту нерѣдко углубляться въ себя. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями; понятно, что духовная дѣятельность его сильно напряжена, фантазія разыгрывается, появляется жажда таинственнаго, требованія мистическаго, что и удовлетворяется шаманами.

Такимъ образомъ, на шамана является спросъ, какъ на врача, прорицателя,

представителя таинственныхъ знаній, а отнюдь не какъ на жреца или теолога. Самъ онъ естественно спѣшитъ, съ предложеніемъ, лишь только въ немъ замѣчается потребность въ средѣ народонаселенія и мало-по-малу теряетъ свой прежній характеръ священнослужителя.

Слѣдовательно шаманство и тѣ обломки язычества, о которыхъ въ состояніи еще сообщить Якуты любознательнымъ изслѣдователямъ, не представляютъ изъ себя двухъ совершенно различныхъ областей религіознаго міровоззрѣнія аборигеновъ Якутской области, а суть лишь разныя части, а именно практическая и догматическая ихъ вѣроученія, при томъ въ различныхъ стадіяхъ своего упадка—шаманство въ меньшемъ, а прочее въ большемъ.

Независимо отъ изложеннаго, шаманскія врачеванія, прорицанія и прочее постоянно сталкиваясь съ жизнію, съ ея видоизмѣненіями именно должны были войти въ извѣстный компромиссъ съ христіанствомъ, болѣе или менѣе усвоеннымъ большинствомъ Якутовъ и подвергнуться подъ вліяніемъ православія извѣстнымъ видоизмѣненіямъ, между тѣмъ, какъ теоретическая часть прежняго вѣроученія, не приходя въ непосредственное прикосновеніе съ дѣйствительною жизнію и, сохраняясь лишь въ видѣ преданія, конечно, дошла до насъ въ болѣе первобытномъ видѣ.

Такимъ образомъ, прежніе боги переродились въ шаманскихъ мистеріяхъ въ дьяволовъ, или духовъ тьмы. Та-же метаморфоза, которой подвергались наши русалки, лѣшіе или домовые, а также богъ Панъ, передавшій свой обликъ христіанскому дьяволу.

Сказаннаго будетъ, я думаю, достаточно, чтобъ сдѣлать яснымъ нѣкоторымъ несогласію между дѣятельностію шамана и тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Сперва займемся первымъ изъ этихъ вопросовъ, а затѣмъ перейдемъ ко второму, но прежде всего для большей ясности ниже слѣдующаго предпошлемъ краткій очеркъ отношенія Якутовъ къ православію.

Въ Якутской области всѣ Якуты, за рѣдкимъ исключеніемъ, крещены въ православіе или родились отъ православныхъ родителей, но трудно поручиться за любого православнаго Якута, одинаково какъ Тунгуса или Юкагира, чтобъ онъ пересталъ вѣрить въ шаманство, не прибѣгалъ къ нему, и мнѣ лично были знакомы два шамана, одинъ, жившій около г. Якутска, а другой—на островѣ Кытахъ, у устья Лены, которые официально считались православными. Иностранцы видятъ рѣдко православнаго священника, который по громадности своего прихода, по разбросанности инородческихъ жилищъ, при необыкновенной трудности путей сообщенія, былъ-бы въ состояніи хоть разъ въ годъ посѣтить каждаго православнаго, а посѣщая, не въ состояніи пробыть въ стойбищѣ болѣе двухъ, трехъ дней, спѣша воспользоваться удобнымъ путемъ, чтобы проѣхать далѣе. Можно съ большою достовѣрностію сказать, что 0,8 инород-

ческаго населенія никогда не видало храма Божія, а какъ я лично слышалъ отъ бывшаго якутскаго епископа преосвященнаго Діонисія, бывали не рѣдко случаи, что сами священники умирали безъ напутствованія, оставляя записку, въ которой каялись въ своихъ грѣхахъ предъ смертію. При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что инородцы, считаясь христіанами, имѣя въ переднемъ углу своей юрты иконы и всегда поставленныя передъ ними восковыя свѣчи, обращаются къ шаманамъ, ожидая найти чрезъ ихъ посредство удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей, но для меня рѣшительно остается необъяснимымъ ¹⁾ случай, бывшій въ 1880 году съ однимъ священникомъ въ г. Якутскѣ, который, заболѣвъ, самъ прибѣгалъ къ помощи шамана, ища въ его мистеріяхъ своего исцѣленія. Не утверждая положительно, сколько помню, фамилія этого священника была Поповъ. Увѣренъ, что такой случай не единичный и вѣроятно повторялся не разъ. Послѣ этого не будетъ ни для кого удивительнымъ, что зажиточный Якутъ, живущій въ городѣ, хорошо говорящій по-русски, имѣющій награды за жертвованія на церковь, или даже постройку ихъ, призываетъ помощь шамана при какомъ-либо домашнемъ несчастіи: при болѣзни кого-либо изъ семьи, при падежѣ скота и пр.

Трудно допустить, что якутскій инородецъ, консервативный во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, не измѣнившій себѣ въ своихъ вѣковыхъ обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, сдѣлалъ-бы легко уступку въ дѣлѣ религіи. Если якутскій инородецъ принимаетъ христіанство только потому, что начальствующие исповѣдываютъ эту вѣру, что эти начальники утверждаютъ выборныхъ на сельскія должности только православныхъ и только для христіанъ является въ перспективѣ надежда получить медаль отъ бѣлаго царя, который сидитъ гдѣ-то далеко, въ своей стеклянной юртѣ такъ далеко, что и представить себѣ трудно, если, говорю, инородецъ изъ честолюбія желаетъ быть среди своихъ начальникомъ и крестится, то такіа практическія соображенія нисколько не убѣждаютъ его въ необходимости оставить свои вѣрованія въ шаманство и не обращаться къ нему по мѣрѣ своей душевной потребности, тѣмъ болѣе, что онъ не находитъ такого удовлетворенія въ христіанствѣ.

Я помню хорошо, что когда мнѣ пришлось уговорить одного завѣдомаго шамана (православнаго) выполнить мистерію просительную, т. е. такую, которая

¹⁾ Не тоже ли почти самое повторяется въ Европ. Россіи, гдѣ множество людей грамотныхъ, отчасти образованныхъ, прибѣгаютъ въ «минуты жизни трудныя» къ знахарямъ и знахаркамъ, къ разнымъ фокусникамъ, лѣчащимъ отъ всѣхъ болѣзней какимъ нибудь однимъ средствомъ, иногда просто невскою водою. Въ Якутской области легко ли раздѣлить порядочнаго врача? Измученному страданьями больному или его близкимъ право извинительно ухватиться за шамана, какъ утопающему за соломинку. Никому не ставя въ образецъ бѣднаго батюшки Попова, можемъ понять и объяснить себѣ подобные случаи въ этомъ удивительномъ краю нашей Руси, такъ живо изображенномъ высокоуважаемымъ и даровитымъ авторомъ этихъ очерковъ. *Ред.*

совершается, когда чего-нибудь просить отъ духовъ, то онъ, войдя въ юрту, набожно три раза перекрестился передъ образами, потомъ, обратившись задомъ къ нимъ, усѣлся передъ каминомъ на полу, сталъ призывать своихъ духовъ. Объ этой мистеріи подробно я буду говорить ниже. Скажу больше: на сѣверъ отъ Якутска по пролегающимъ трактамъ нѣтъ холма, горки, особнякомъ стоящаго дерева, озера, рѣки, ручейка, чтобы они не имѣли своего духа-покровителя, почему болѣе значительные изъ нихъ называются не иначе, какъ эбя-хотунъ (госпожа-бабушка) и на ряду съ природными якутами русскіе купцы, для умилоствленія мѣстнаго духа, приносятъ жертвы: всякій даетъ, что можетъ; одни отрываютъ полоску отъ своего платья, вырываютъ нѣсколько волосковъ изъ конской гривы и привѣшиваютъ къ дереву или колу при дорогѣ, нѣкоторые кладутъ деньги, а у кого ничего нѣтъ, то хоть камень, конскую голову, конскую кожу, свой посохъ. Такая жертва называется дельбигря салака. Я помню хорошо возвышенность Верхоянскаго хребта, который приходилось переваливать, и громадное дерево на самой его возвышенности, увѣшанное разноцвѣтными тряпочками. Сопровождавшій меня при этой поѣздкѣ пятидесятникъ якутскаго казачьяго полка П. Н. Калининъ, смѣясь рассказывалъ, что казаки, сопровождающіе почты, всегда роются около этого дерева и не безъ успѣха отыскиваютъ деньги, которыя пропиваютъ при первомъ удобномъ случаѣ. Тѣ-же самые казаки, которые пропиваютъ принесенныя духамъ въ жертву деньги, отправляются въ тайгу на промыселъ за звѣремъ или птицей, желаютъ встрѣтить въ своемъ предпріятіи такой-же завидный успѣхъ, какой видятъ у природнаго инородца, и подражая промышленнику во всѣхъ его приемахъ, также приносятъ духу, покровительствующему охотѣ, соотвѣтствующую жертву, но вмѣсто причитаній, употребляемыхъ на каждый промыселъ особое, бормочутъ какой-то наборъ словъ, иногда перемѣшивая эту тарабарщину словами не твердо знакомой имъ православной молитвы. Не только Якутъ, но даже Русскій изъ мѣстныхъ уроженцевъ никогда не рѣшится сѣсть отдохнуть подъ тѣнью одинокаго дерева, убѣжденный, что на немъ живетъ духъ: лучше скорѣе миновать его. Помню также случай, когда сопутствовавшіе по Верхоянскому округу Якуты, отчаявшись дожидаться хорошей погоды, прекращенія пурги, сначала бормотали молитвы, призывая на помощь Тангару (Бога) и Николая Угодника (и здѣсь покровителя странствующихъ), стали, наконецъ, шаманить. Вызванный на объясненіе такого рѣзкаго перехода, шаманствующій спокойно отвѣтилъ: «не поможетъ Богъ, духи могутъ услышать и помогутъ». Такое безразличіе, на мой взглядъ, объясняется просто: не пристали къ берегу, а отстали отъ другаго; не усвоили вѣры въ Бога, потерявъ довѣріе въ силу и мощь прежде чтимыхъ духовъ.

Якуты (вообще инородцы Якутской области) въ большинствѣ очень

первы, въ особенности женщины и между ними не рѣдкость встрѣтить под-
верженныхъ меряченью. Г. Щукинъ въ своей книгѣ «Поѣздка въ Якутскъ»
называетъ меряковъ—имеряками, производя это названіе отъ Якутскаго слова
имерехъ, что значитъ вздрагивать, бѣсноваться. Онъ-же сообщаетъ, что
меряченье не есть единственный видъ нервно-истерическихъ болѣзней, встрѣчаю-
щійся въ Якутской области, но что въ его время въ Колымѣ и Зашиверскѣ
существовали еще кликуши (стр. 172 сборн. «Сибири»). Припадокъ меряченья
выражается обыкновенно въ безсознательномъ моментальномъ подражаніи другому.
Стоитъ только при такомъ субъектѣ вскрикнуть, какъ припадошный вздрогнетъ
и повторяетъ какое-либо рѣзкое движеніе другого,

Мнѣ много разъ пришлось видѣть, какъ очень почтенные люди приводили
въ замѣшательство меряка; проѣзжая черезъ г. Верхоянскъ для обозрѣнія
округа, я остановился въ домѣ фельдшера Климовскаго, человѣка лѣтъ 60,
очень почтеннаго и тамъ уважаемаго. Ко мнѣ явились мѣстные исправникъ и
протоіерей. Провожая ихъ, я вышелъ въ переднюю, гдѣ мой почтенный
хозяинъ помогаль имъ одѣваться. До того времени я никогда не видалъ
припадокъ меряченья и какъ будто предугадавъ это, и желая меня потѣшить,
протоіерей бросился на исправника, дѣлая видъ, что срываетъ на немъ шапку.
Климовскій моментально бросился тоже на исправника и сталъ ругаться ужасными
словами, но вскорѣ пришелъ въ себя и очень сконфузился.

Другой разъ мнѣ пришлось видѣть меряка на пароходѣ между Благо-
вѣщенскомъ и Хабаровкой. Весь праздный людъ на пароходѣ преслѣдовалъ
этого несчастнаго: куда-бы онъ ни пошелъ по палубѣ, всюду встрѣчали его
неожиданнымъ хлопаньемъ въ ладоши; больного корчило, и онъ мгновенно
бросался на проходящаго съ ругательствомъ, но быстро приходилъ въ себя и
стыдливо прятался въ сторону, гдѣ его встрѣчали тѣмъ-же. Стоитъ при
мерякѣ бросить что-нибудь обѣ полъ, и онъ безсознательно повторяетъ тоже;
такъ этотъ мерякъ (повидимому купеческій прикащикъ) бросалъ въ воду свой
картузь, на палубу свой стаканъ съ чаемъ и тоже въ воду кошелекъ съ
деньгами, который держалъ въ рукахъ. Последнее обстоятельство его возмутило
въ особенности, какъ вызванное помощникомъ капитана парохода, крикнувшаго
и бросившаго въ рѣку какую-то щепку. Видѣлъ я также въ г. Олекминскѣ
на Ленѣ женщину, обыкновенно очень степенную и даже стыдливую, которую
присковые рабочіе заставляли продѣлывать самыя возмутительныя вещи,
крикнувъ, и затѣмъ сказавъ, что она должна сдѣлать, и она исполняла.

Въ нашей научно-медицинской литературѣ мнѣ всего разъ пришлось
встрѣтиться съ меряченьемъ (иначе ольгинджей) chorea imitatoria, именно въ
Архивѣ судебной медицины 1868 г. № 2 и отчетѣ доктора Кашина, наблю-
давшего эту болѣзнь; болѣзнь состоитъ, по опредѣленію названнаго доктора,

въ подражательности и отчасти конвульсивныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя больные производятъ безъ всякаго сознанія, копируя дѣйствія и движенія другихъ. Разъ доктору Кашину пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Одно изъ отдѣленій роты 3-го баталіона забайкальскаго казачьяго войска, составленное изъ мѣстныхъ уроженцевъ, во время ученія повторяло командныя слова. Командиръ, конечно, разсердился, сталъ браниться, кричать, грозить и съ удивленіемъ услышалъ, что отдѣленіе повторяетъ все это за нимъ. Между Якутками болѣзнь эта принимаетъ иногда такую форму, что несчастныя исполняютъ приказанія, отъ кого-бы они не исходили и въ чемъ-бы они не состояли, чѣмъ не рѣдко пользуются негодяи изъ мѣстной молодежи.

Я потому остановился, повидимому, долго на этого рода больныхъ, что шаманами становятся болѣе нервныя изъ инородцевъ, болѣе склонныя къ раздраженію, приходя во время мистерій въ экстазъ, или расположенныя къ нему, или вызывая его въ себѣ искусственно раздражающими душу дикими выкрикиваніями, круженіемъ на одномъ мѣстѣ и раскачиваніемъ головы въ стороны. Инородцы вѣрятъ, что шаманъ, во время мистеріи, проявляетъ случаи пророчества, будучи одержимъ самимъ дьяволомъ, духомъ темнаго, подземнаго царства. Эти-то одержимые, или по собственному призванію, или по избранію (шаманами-же) становятся шаманами. Посвященіе въ шаманы совершается публично: шаманъ возводитъ посвящаемаго на высокую гору, или выводитъ на открытое поле, одѣваетъ его въ куму, вручаетъ ему талину, увѣшанную конскимъ волосомъ; ставитъ по правую его сторону 9 юношей, а по лѣвую 9 дѣвицъ; самъ становится позади посвящаемаго, произноситъ въ слухъ шаманское заклинаніе, которое посвящаемый обязанъ повторять за нимъ.

«Обѣщаюсь быть покровителемъ несчастныхъ, отцемъ бѣдныхъ, матерью сиротъ; буду чтить демоновъ, живущихъ на вершинахъ высокихъ горъ и клянусь служить имъ тѣломъ и душой. Буду почитать, поклоняться и служить верховнѣйшему, сильнѣйшему изъ нихъ, демону надъ демонами, повелителю трехъ родовъ демоновъ, живущихъ на вершинахъ горъ, именуемому шаманами Состуганакъ Улу-Тоёнъ (грозному, гордому), его старшему сыну Уйгуль-Тоёнъ (сумасшедшему), его женѣ Уйгуль-Хотунъ (сумасшедшей), его меньшему сыну Кякя-Чуранъ-Тоёнъ (звонкоговорящему), женѣ его Кякя-Чуранъ-Хотунъ и ихъ многочисленной семьѣ и служителямъ, черезъ которыхъ посылаютъ на людей болѣзни, припадки, ломоту костей, судорогу въ ногахъ. Обѣщаю отъ болѣзней этихъ избавлять страждущихъ, принося въ жертву кобылу масти каря (соловой).

Буду знать, почитать, поклоняться и служить меньшему брату Улу-Тоёна демону Хара-Сурунъ-Тоёну (черному ворону), его сыну Албанъ-Бурай-Тоёну (изворотливому удалцу), его дочери Кысь-Сатылай (пѣшкомъ

ходящей дѣвѣ), склоняющихъ людей къ убійству, самоубійству и ябедамъ. Обѣщаюсь избавлять людей отъ этихъ наклонностей, принося за нихъ жертву этимъ демонамъ коня масти хара (вороной).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Алтанъ-Собирай-Тоену (мѣдному тазу), женѣ его Алтанъ-Собирай-Хотунъ (съ большой мѣдной лапой) ихъ дочерямъ: Тимиръ-Кутурукъ (желѣзный хвостъ) и Кеюльганъ-Дарханъ (важная, великая, подсѣкающая), насылающихъ на людей хроническую язву. Страдающихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву водку (арагы) и буду пускать на волю въ честь демоновъ наряженную чайку (хопто).

Буду знать, почитать и поклоняться прародительницѣ этихъ демоновъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кюнь-Желерюмя Саркыль-Хотунъ (дырявая пропасть солнца), въ ней 52 дырявыхъ стола и 52 служителя. Она посылаетъ на людей страсть къ картамъ, пьянству, разбою, грабежу, худымъ дѣламъ и самоубійству. Людей, одержимыхъ этими пороками, буду исцѣлять. Я убью красно-чубарую кобылицу, иноходью ходящую, сердце и печень этой кобылицы обмотаю вокругъ шеи своей, буду шаманить и умилоствлю гнѣвъ ея.

Я буду знать, почитать и поклоняться демону надъ демонами 6 родовъ, живущихъ тамъ, куда отправляются души грѣшниковъ, буду поклоняться тому, который извѣстенъ шаманамъ подъ именемъ Талирдахъ-Танъ-Таралы-Тоенъ (дерущій въ пропасти), его дочерямъ Сороха-Хотунъ (вѣтряной красавицѣ) и Санъ-Хотунъ и его многочисленнымъ служителямъ, которые посылаютъ на людей и скотъ повальную смертность; для умилоствленія ихъ буду приносить въ жертву кобылу масти турагасъ-элямясь (рыже-пѣгая).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Архахъ-Тоенъ (больному) и женѣ его Архахъ-Хотунъ, насылающихъ на людей чахотку; страдающихъ этой болѣзнью буду исцѣлять, принося въ жертву корову масти кюржугасъ (бурую).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Боръ-Малахай-Тоенъ (земля, безобразный) и женѣ его Боръ-Малахай-Хотунъ, насылающихъ на людей разныя болѣзни и преимущественно смертность. Если у кого не живутъ дѣти, я буду просить у этихъ демоновъ умилоствленія и принесу имъ въ жертву черную корову съ головой на половину бѣлой (хара-магасъ).

Буду знать, почитать демона Нясъ-Елю (кляча, смерть), жену его Ыэрыкъ-Хотунъ (больная), насылающихъ на людей падучую болѣзнь и сибирскую язву. Страдающихъ этою болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву налима (сыэлысаръ) и тайменя (биль).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Кытай-Баксы-Тоенъ (не переводимо), который даруетъ Якутамъ искусныхъ кузнецовъ и могущественныхъ шамановъ. Если Кытай разгнѣвается на кузнеца, то пошлетъ на

него болѣзнь, а я велю убитъ въ честь его корову масти кугасъ (красную), кровью ея вымажу (окроплю) все кузнечные инструменты, а сердце и печень испепелю въ горнѣ. Если я самъ заболѣю отъ этого демона, то другой шаманъ принесетъ за меня умиловительную жертву.

Буду знать, почитать и поклоняться дочери демона Тамыкъ-Хотунъ (надменная). Она посылаетъ на людей разнаго рода сумасшествіе. Одержимыхъ этою болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву 9 горностаевъ, 9 ласокъ, 9 хорьковъ, 9 голубей, которыхъ велю поймать живыми и, нарядивъ ихъ, отпущу на волю.

Буду знать и поклоняться, буду почитать шаманку Таяктахъ-нячай (слабосильную съ тростью), мужу ея Атыръ-Хахай (орелъ) и ихъ многочисленному роду и потомству, насылающему на людей стѣсненіе въ груди; страдающихъ этою болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву однорогую корову красной масти (агаръ-мостахъ-кугасъ).

Буду знать, почитать, поклоняться небесному шаману Кубилыръ-Оюнъ (бѣлому лебедю), сестрѣ его Кыталыктыръ-Кырбыкы (стерхъ острокрылый) и матери ихъ Соруктахъ-Содоръ (щедрой повелительницѣ), насылающихъ на людей глухоту и всякую ушную болѣзнь. Страждущихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву однорогую корову красной масти (агаръ мостахъ кугасъ).

Память о первомъ шаманѣ восходитъ къ давнимъ временамъ; имя его было Анъ-Аргылъ-Оюнъ. Онъ былъ могущественъ и дѣлалъ великія чудеса: онъ воскрешалъ мертвыхъ, возвращалъ слѣпымъ зрѣніе. Слухъ о такихъ чудесахъ дошелъ до Аи-Тоена (Господа Бога). Онъ послалъ спросить шамана, именемъ какого бога онъ дѣлаетъ чудеса и вѣрить-ли въ него? Анъ-Аргылъ-Оюнъ (важный шаманъ) три раза отвѣтилъ, что въ Бога онъ не вѣритъ, а чудеса творитъ собственною властью и силою. Разгнѣванный Аи-Тоенъ велѣлъ сжечь шамана, но такъ какъ тѣло Оюна состояло изъ массы гадовъ, то изъ пламени спаслась одна лягушка и поселилась на высочайшей горѣ. Отъ этой-то лягушки произошли могущественные демоны, которые и понынѣ снабжаютъ Якутовъ шаманами. Однимъ изъ главныхъ демоновъ почитается сынъ Анъ-Аргылъ-Оюна Кюнъ Кягисъ-Оюнъ (солнце — ненастный обжора); у него въ рукахъ огромный желѣзный посохъ, на который надѣвается голова посвящаемаго въ шаманы; этой головѣ съ высоты показываютъ весь міръ; самое-же тѣло посвящаемаго разрѣзаютъ на части и разбрасываютъ внизъ злымъ духамъ, которые, подобравъ эти кусочки, чрезъ то самое становятся служителями посвящаемаго. Посвящаемые въ шаманство въ припадкахъ своего изступленія, полныхъ галлюцинацій, осязательно испытываютъ все мученія отрѣзанія ихъ головы и разрѣзанія ихъ тѣла на мелкія части.

Не всякій шаманъ имѣетъ костюмъ, въ которомъ долженъ отправлять свои мистеріи. Шаманы обыкновенно люди очень бѣдные, не имѣющіе собственнаго хозяйства; они пробиваются изо дня въ день, прокармливаясь подаяніемъ за свои мистеріи. Костюмъ шаманскій стоитъ очень дорого, такъ какъ всѣ украшенія его должны быть выкованы изъ желѣза съ рѣзбой по желѣзу; количество, размѣръ и форма всѣхъ украшеній костюма должны быть соблюдены съ пунктуальной точностію, установленной временемъ и обычаемъ. Выковать всѣ желѣзные принадлежности къ костюму можетъ не всякій кузнецъ и за эту работу не охотно возьметъ даже 40 рублей. Сколько мнѣ извѣстно, шаманскихъ костюмовъ въ Якутской области осталось очень мало, можно сказать на перечетъ. Земская полиція и духовенство, провѣдавъ про шамана, отбираютъ отъ него шаманскій костюмъ и сжигаютъ его при Якутской консисторіи, но лишеніе костюма не лишаетъ его возможности продолжать отправленіе мистерій. Весь костюмъ шамана при его мистеріи состоитъ изъ кафтана, сшитаго изъ ровдуги, или кожи, бубна съ колотушкой и палки. Кафтанъ носитъ названіе куму; онъ увѣшанъ до 40 желѣзными украшеніями, изображающими: ящерицу, гагару, дырявое солнце, половину луны, демона, желѣзную цѣпь, или же ровдужный хвостъ. Эти украшенія должны напоминать шаману и шаманствующимъ, что царство духовъ, куда отправляется шаманъ во время мистерій, населено тѣми-же животными, птицами, рыбами, а дырявое солнце и половина луны, что въ мѣстѣ, гдѣ заселены духи, царитъ полумракъ. Хвостъ означаетъ, что шаманство вѣрно и крѣпко, какъ самая цѣпь и служить путеводителемъ въ царство духовъ. Разныя подвязки и желѣзные-же колѣнцы, въ видѣ суставовъ, изображающіе кости рукъ и реберъ, служатъ шаману щитомъ въ его странствіяхъ по царствамъ духовъ, и въ борьбѣ съ непріязненными духами. Рукава и полы куму увѣшаны длинной ровдужной бахромой. Бубенъ называется ею гюръ. Онъ бываетъ продолговатый, деревянный и обтягивается телячьей кожей безъ шерсти. Ко внутренней его сторонѣ прикрѣпляется крестообразная поперечина, за которую и держатъ бубенъ во время мистерій. Эта рукоятка называется быэрыкъ. Внутренняя сторона бубна увѣшана желѣзными побрякушками, не имѣющими символическаго значенія и опредѣленнаго рисунка. Колотушка въ бубенъ называется былаяхъ—костяная или деревянная палка, вершковъ пяти, обшита кожей, шерстью наружу. Бубенъ служитъ символическимъ изображеніемъ животного, на которомъ шаманъ спускается въ преисподнюю, въ царство духовъ; а палочка—погонялкой, бряцаньемъ его и стукомъ въ него онъ увѣдомляетъ, что находится въ пути. Палку (какая попадется въ руки) шаманъ употребляетъ, лишь когда нѣтъ у него бубна и, на нее опираясь, онъ даетъ понять, что странствуетъ. Гиканьемъ и дикими возгласами онъ также замѣняетъ бряцанье

бубна, когда его нѣтъ. Приготовленіе куму и бубна сопровождается мистеріями шамана.

Перейду къ болѣе подробному перечню украшеній шаманскаго костюма: на передней части куму, отъ шеи къ низу по борту пришиваются три изображенія стерха (кыталы)—эмблема полета шамана. Когасъ—гагара— эмблема того-же полета.

На мѣстѣ сердца три фигуры чорта (эмягять, абасы) — эмблема вѣчнаго присутствія демона въ сердцѣ, два изображенія желѣзнаго сердца дьявола—сюрахъ-timiрия.

На мѣстѣ ключевыхъ костей двѣ желѣзныя полосы, изображающія эти кости (хамарганъ-timiрия).

Тярганъ-беря—изображеніе почекъ дьявола.

Ойгосъ-белыгуня—двѣ боковыя подвздошныя кости.

Ойгосъ-умохтаръ—четыре ребра дьявола съ каждой стороны.

Восьмиугольная фигура съ 7 дырочками, пришитая у горла. Объ ней шаманы отказываются дать какое либо объясненіе, говоря, что ни одинъ чело-вѣкъ не рѣшится назвать и объяснить ея значеніе.

На рукавахъ: двѣ плечевыя кости—бюльгюль-timiрия.

Двѣ локтевыя кости—акымаль-хаппага.

Запястья рукъ—двѣ кости—бегальчахъ-сюсига.

Кости ладони—двѣ—акымаль-улюга.

Двѣ кости, изображающія крылья птицъ—табыталъ-timiрия.

Бахрама на рукахъ означаетъ крылья коршуна—эліе

На спинѣ: кельтягый хобота, круглыя погремушки, абасѣ семяга — дьявольскія украшенія, необходимыя для снисхожденія въ преисподнюю.

Абасы балыга—дьявольская рыба.

Кедей-кэхана—дьявольскія украшенія.

Кюляръ-кюсянать—веселое, радостное солнце; на немъ двѣ желѣзки; балыкъ-кыгана, кандей-сысана означаютъ хвостъ солнца—кюганъ кутурука.

Ойбонъ timiрия—желѣзная прорубь, куда скрывается гагара послѣ того, какъ поглотитъ шамана. При этой желѣзкѣ внизу привязана эмяга, изъ которой пьетъ гагара.

Хатать timiрия—огниво дьявола.

Батырысь—бахрама на подолѣ.

Двѣ желѣзки на подобіе рога сохатаго—значеніе неизвѣстно.

Какъ я упомянулъ выше, когда шаманствующій не въ состояніи самъ помочь своей бѣдѣ, онъ зоветъ шамана, надѣясь черезъ его посредство получить отъ демоновъ ожидаемое облегченіе. За сотни верстъ ѣздить за шаманомъ и вѣсть объ ожидаемомъ пріѣздѣ шамана быстро разносится по окрест-

ности; любопытные и жаждующіе избавленія отъ своихъ несчастій массами стекаются туда посмотрѣть на шамана, спросить о своемъ будущемъ, и шаманъ никогда не отказывается отъ отвѣтовъ, утверждая, что при мистеріяхъ они въ особенности проявляютъ даръ пророчества.

Шамана встрѣчаютъ съ почетомъ усаживаютъ въ почетный уголъ, угощаютъ водкой и лучшимъ съѣстнымъ и излагаютъ передъ нимъ свою просьбу. Шаманъ не стѣсняется требовать убоя быка или лошади, смотря по значенію просьбы и того духа, къ которому придется обращаться въ мистеріи. Якуты безпрекословно исполняютъ его требованіе, и мясомъ угощаются вмѣстѣ съ шаманомъ всѣ присутствующіе. Извѣстная часть убитаго животного идетъ, по ученію шамановъ, на жертвоприношеніе. Наѣвшись и выпивши, шаманъ надѣваетъ куму, если у него она есть, подходитъ къ камину съ передней его стороны, бросаетъ въ огонь масло, которое бросаетъ духамъ, горстями ловить пары отъ масла, подносить ко рту, показывая видъ, что глотаешь ихъ, приобщаясь, такъ сказать, духа, къ которому намѣренъ обратиться съ ходатайствомъ. Беретъ бубенъ, садится передъ каминомъ-же на подостланную лучшую шкуру оленью, бычью, отороченную по краямъ бахромой изъ конскаго волоса, цвѣтныхъ тряпочекъ, или окрашенныхъ ольховой корой хвостиками мелкихъ звѣрей. Шкурка кладется головой къ камину, бьетъ по бубну долго и громко, привлекая на себя вниманіе духовъ протяжнымъ крикомъ «ай», зѣваетъ дьявольскою зѣвотой, три раза вскрикиваетъ голосомъ гагары «чекъ, чекъ, чекъ», три раза кричитъ, какъ стерхъ, три раза кукуетъ и три раза кричитъ ворономъ. Потомъ вызываетъ къ косому (инистягасъ), кривому (кельтягй) хромому (доглонъ): дьяволу (ююкъ эмягять), прокликаетъ себя, увѣряя сатану въ своей къ нему преданности, обѣщая быть вѣрнымъ его слугой и умоляетъ взойти въ него. Потомъ встаетъ, полагая, что онъ сообщился съ дьяволомъ, что дьяволъ вошелъ въ него и онъ сталъ обладателемъ его власти, силы и могущества, вызываетъ бѣлой птицей (юрюнь-асъ): пусть будетъ это моимъ мѣстомъ, пусть порстетъ оно зеленой травой; къ твоему тѣлу и крови приобщился я, дьяволъ! Корень всѣхъ золъ и несчастій (ытыкъ ёлю тёрдѣ), продолжаетъ онъ, ты, осминогій уродъ алджарай), я соединился съ тобой, а ты помоги исполненію желанія, я пришелъ отъ Сюрдяхъ-кяптяхъ Сюгя-Тоэнтонъ — страшнаго бога топора и Кини-Сюргю-Ютянянь сюргюя, чтобы спасти его спасительнымъ орудіемъ, а потому шаманки съ огненными бичами, живущія въ преисподней, не выходятъ вверхъ состязаться со мной и проклинять меня; я сѣлъ на пушъ земли, чтобы защитить страждущихъ; я знаю, у меня много недостатковъ, но вы почтите, какъ-бы ихъ не было у меня и попятьтесь назадъ. Три черныя тѣни твои, дьяволъ, сообщились со мной, поэтому, прошу тебя, помоги мнѣ. Та-

кую-то скотину дамъ я тебѣ, ты помоги бѣдѣ моей! Шаманъ своимъ завывающимъ голосомъ поетъ, что сатана пришелъ къ нему, что онъ уговорилъ сатану передать свою просьбу объ исцѣленіи больного его предкамъ въ адъ, или главному сатанѣ. Приходъ дьявола и обратное путешествіе его въ адъ шаманъ передаетъ въ пѣснѣ, которая всегда означаетъ разговоръ; онъ поетъ и за себя и за духовъ, которыхъ вызываетъ и путешествія ихъ представляетъ жестами, переступая на мѣстѣ, защищая глаза ладонью, какъ будто высматривая мѣстность, сопровождая ударами въ бубенъ. Часто, если ожидается исцѣленіе больного, сатана не сразу соглашается исполнить просьбу шамана, или требуетъ, чтобы шаманъ самъ заискалъ покровительства главныхъ духовъ, и тогда шаманъ пѣсней и бубномъ даетъ понять, что онъ, очень трудно ступая, отправляется по крутой горѣ, на небо, съ непосредственнымъ ходатайствомъ о помощи. Также бываетъ, что шаманъ, не вызывая духовъ изъ преисподней, спускается въ адъ къ своимъ предкамъ и сатанѣ и передъ ними въ унылой протяжной пѣснѣ заявляетъ свои желанія и упованія, которыя выражаются такъ: «я пришелъ защитить, имѣя въ рукѣ бичемъ небесную молнію, возвратите мнѣ душу чада моего, берите взамѣнъ ея другую жертву и обращаясь къ старшей старухѣ (хоттутторга), говоритъ: если болѣзнь причинила ты, то дай знакъ. Послѣ чего шаманъ, возвращаясь изъ преисподней (ойбонъ тимиря) на крыльяхъ гагары (когасъ) поднимается на небо, гдѣ, улаживая верховныхъ духовъ (ёрдяргя), говоритъ: солнце-мать согласилась на выздоровленіе больного, и вы согласитесь, за что получите подарки, и, яко-бы получивъ разрѣшеніе пользоваться больнымъ и узнавъ вѣрное средство для его спасенія, возвращается. Чѣмъ болѣе благопріятны вѣсти при возвращеніи изъ преисподней или съ неба, тѣмъ воодушевленнѣе присутствующіе поощряютъ его и довольные просятъ поспѣшить шамана исцѣленіемъ больного. Шаманъ, однако, не торопится исполненіемъ просьбы и, поломавшись достаточно, уступаетъ упрашиваніямъ. Исцѣленіе бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ, или шаманъ подходитъ къ больному, осматриваетъ больного и, плюнувъ себѣ на ладонь, натираетъ больное мѣсто и затѣмъ увѣряетъ домашнихъ, что если жертвоприношеніе будетъ угодно духамъ, то больной поправится непременно, но если духи не удовлетворятся жертвой, то не въ его силѣ измѣнить ихъ рѣшеніе.

Въ другомъ случаѣ, шаманъ подходитъ къ постели больного, три раза кричитъ надъ его головой «тебѣ какую скотину надо, только скажи мнѣ, лишь оставь больного?» Духъ, сидящій въ больномъ, черезъ шамана отвѣчаетъ: «если ты мнѣ дашь саджагай (корову съ бѣлой спиной), или булуръ (буланую лошадь), то я оставлю больного». Требуемую скотину даютъ. Для чего берутъ 10 цѣлыхъ маленькихъ лиственницъ (уонъ-кербяна) и одну березу;

ставятъ одну лиственницу и березу рядомъ около юрты; на первой дѣлаютъ девять зарубокъ, остальные 9 деревьевъ ставятъ полукругомъ около первыхъ двухъ, на южной сторонѣ, и обвязываютъ веревкой, украшенной цвѣтными лоскутками и конскимъ волосомъ. Къ дереву съ зарубками (салама) привязываютъ жертвуемое животное, при чемъ шаманъ, возносясь на небо, обращается къ Ап-Тоэну съ просьбой о помилваніи, говоря, что люди соболѣзнуютъ больному, старухи (хотутторъ) возвратили его душу (кутъ), такъ возьми вмѣсто души это животное. Крикнувъ три раза и три раза плюнувъ на животное (больной тоже плюетъ), отпускаютъ его въ стадо. Шаманъ продолжаетъ: «вотъ стоитъ она, возьми ее, держи, но спаси!» «я взялъ, отвѣчаетъ дьяволъ черезъ шамана, и черезъ 7, 8, 9 дней больной поправится». Шаманъ поетъ, что дьяволъ вмѣстѣ съ гагарой проваливаются въ преисподнюю (ойбонъ-тимири) гдѣ отдаетъ принесенную скотину на убой, а для образности беретъ дощечку (которая должна изображать собой столъ), дѣлаетъ въ ней круглое отверстіе, на дощечку кладетъ кусочекъ мяса и бросаетъ въ огонь. Затѣмъ три раза зажигаетъ гриву отъ чернаго коня вдыхаетъ въ себя этотъ чадъ просить кого-либо изъ окружающихъ высѣчь надъ его головой огня и дать ему напиться смѣси воды съ кислымъ молокомъ (умданъ), воды того міра. Затѣмъ, беретъ три вѣтки и ими стуча въ бубенъ, выгоняетъ остатки дьявола: «сверху упавшіе — вверху подите; снизу пришедшіе — внизъ ступайте, вы, дьяволы! «Затѣмъ, обезсиленный завываніемъ, метаньемъ изъ стороны въ сторону, закружившись, потный садится на землю, иногда отъ утомленія не въ состояніи снять съ себя своей куму».

Животное, такимъ образомъ принесенное въ жертву богамъ, не употребляютъ въ работу, а въ случаѣ смерти замѣняютъ другимъ, такой-же масти, иначе къ больному можетъ возвратиться таже болѣзнь. Бываетъ и такъ, что въ жертву старухамъ (хоттутторга) убиваютъ животного. Языкъ, сердце и печень, сваривъ, ставятъ на особенный для этого случая сдѣланный столъ обѣ одной ножкѣ; столешница его имѣетъ по срединѣ круглое отверстіе. — Остальное мясо сѣдаютъ Якуты, послѣ чего кости и другіе остатки сжигаются, чѣмъ и выполняется жертвоприношеніе.

Трудно поручиться за душевное состояніе инородцевъ, которое они испытываютъ во время мистерій; я не могъ прочесть опредѣленнаго выраженія на ихъ лицахъ, вообще, подвижныхъ, но про себя скажу, что я отъ души желалъ, чтобъ поскорѣе кончилъ шаманъ свою мистерию. Окружающая обстановка: маленькая юрта съ пылающимъ каминомъ, передъ огнемъ мечущійся фанатикъ, котораго едва могутъ удержать двое выбранныхъ молодцевъ, чтобы онъ въ пылу своего экстаза не бросился въ огонь, или по меньшей мѣрѣ не разбилъ себѣ голову; эти дикія завыванія, выкрикиванія не могутъ оставлять

человѣка даже съ здоровыми нервами въ полномъ спокойствіи. Шаманъ до того входитъ въ свою роль, что совершенно забываетъ себя, онъ видимо увѣренъ въ своемъ общеніи съ мощными, злыми духами, которыхъ нельзя не страшиться, противъ злой, капризной, иногда неумолимой воли которыхъ приходится дѣйствовать только жертвой собственной личностью, которую онъ отдаетъ всецѣло въ ихъ распоряженіе. Во всякомъ случаѣ, если не допускать вѣру въ шаманство со стороны инородцевъ, хотя и принявшихъ крещеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать въ нихъ боязнь, страхъ къ нему почти всѣхъ безъ исключенія; люди, которымъ я не могу отказать въ полномъ довѣріи, утверждали, что они знали одного священника, который ударилъ шамана, а послѣдній отметилъ ему тѣмъ, что священникъ сошелъ съ ума.

Шаманъ не отказывается отъ исповѣди и Св. Причастія, онъ кается искренно въ своемъ общеніи съ дьяволомъ, но не въ силахъ потомъ отказаться отъ совершенія мистерій. Во всякомъ случаѣ не корысть и не какой-либо иной расчетъ мѣшаетъ ему разъ на всегда покончить съ тѣмъ дѣломъ, въ которомъ онъ раскаивается; мнѣ не приходилось слышать о зажиточности шамановъ, напротивъ, шаманъ весьма часто получаетъ за свой заговоръ большого глаза по 5 к., а что значутъ эти деньги къ сѣверу отъ Якутска, когда лично отъ меня Якуты отказывались брать по двугривенному за рябчика, объясняя, что имъ некуда дѣвать монету, что, если-бы она была съ ушкомъ, то онъ пришилъ бы ее какъ пуговицу. а безъ ушка онъ проситъ мои двугривенные взять обратно. Меньшая денежная единица—рубль! Страшное нервное потрясеніе, которое испытываетъ шаманъ послѣ мистеріи, обезсиливаетъ его по крайней мѣрѣ на цѣлый день. По поводу шаманства мнѣ приходилось говорить съ инородцами на устьяхъ Лены и по Янѣ, — шаманы сами признавались, что семьи шамановъ, по общимъ замѣчаніямъ, никогда не бываютъ счастливы: болѣзни и несчастія преслѣдуютъ ихъ и ихъ семьи, но что ужъ судьба ихъ такова, и отъ нея-то не уйти при ихъ безотрадномъ безысходномъ положеніи.

Кромѣ шамановъ, есть еще и шаманки (удаганъ), тоже служительницы духовъ преисподней, но онѣ, какъ-бы славны не были, не пользуются авторитетомъ, равнымъ своимъ соперникамъ-мущинамъ, къ нимъ обращаются лишь за неимѣніемъ по близости шамановъ, или когда нужно отыскать вора и покраденное. Числомъ шаманокъ болѣе, нежели шамановъ. По мнѣнію инородцевъ, шаманки лечатъ удачнѣе душевно-больныхъ и только въ этихъ случаяхъ онѣ предпочтительнѣе передъ шаманами. Когда шаманъ или шаманка умретъ, тѣло ихъ, одѣтое въ куму, кладутъ въ деревянную колоду; въ головахъ кладутъ деревянное изображеніе сокола, въ ногахъ — кукушку, а по бокамъ по идолу—въ знакъ того, что душу шамана духи уносятъ въ свое царство,

Тѣло шамана не предають землѣ, а ставятъ на высокихъ столбахъ въ открытомъ мѣстѣ, или помѣщаютъ на дерево. Такая гробница называется хорчакъ. Въ сѣверной части Верхоянскаго округа мнѣ самому пришлось видѣть такую гробницу и сохранить изъ нея желѣзные украшенія отъ перегнившего куму. Вообще умершаго одѣваютъ въ лучшее его платье, иногда въ нѣсколько его шубъ, въ шапку; въ руки даютъ трубку и кисеть съ табакомъ; въ ноги ставятъ деревянную чашку съ пищей. Въ нѣкоторыхъ могилахъ я видѣлъ желѣзные инструменты, употреблявшіеся покойнымъ для выдѣлки ровдуги (замши) изъ оленьихъ шкуръ, луки со стрѣлами, мѣдвѣжьи рогатины. По словамъ г. Припузова, обычай этотъ впрочемъ, нынѣ выводится, и шамановъ хоронятъ по христіанскому обычаю.

Обращаясь къ якутской міеологіи, повторимъ опять, что имѣющіяся у насъ о ней свѣдѣнія крайне скудны, какъ въ виду разрушающагося характера этого вѣроученія, о чемъ было сказано во вступленіи къ настоящей статьѣ, такъ и въ виду малаго знакомства по этому предмету самихъ адептовъ этой религіи, сообщавшихъ намъ о ней свѣдѣнія, а, слѣдовательно, и въ виду скудости могшихъ быть собранными нами по означенному вопросу матеріаловъ.

Якутскія божества живутъ или на вершинахъ горъ, на небѣ—Еся абасыларъ (горніе духи) и у подошвы земли въ преисподней — Аллара абасыларъ (низовые демоны) и дѣлятся на добрыхъ духовъ, имѣющихъ общее названіе Аи, тангара (Богъ) и злыхъ или демоновъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ:

Ють-тасъ олбохтахъ Юрюнь-аи-тоѣнъ, онъ-же Айбытъ-Ага (создавшій отецъ), бѣлый богъ на молочно-каменномъ престолѣ) живетъ на небѣ, онъ господствуетъ надъ всѣми отдѣльными богами, дѣлаетъ только исключительно доброе всему живущему во вселенной. Онъ создатель міра, почему къ нему на ысэхтахъ (весеннихъ религіозныхъ торжествахъ) обращаются съ поднятымъ къ нему чарономъ (точеный изъ дерева кубокъ) и просятъ его благословенія на весь людъ и скотъ его; поднимая къ небу чаронъ, чтущіе Юрюня увѣрены, что онъ отпиваетъ кумысъ, почему оставшееся въ чаронѣ дѣлится между Якутами, какъ цѣлительный напитокъ, освященный устами юрюна. Шаманъ увѣряетъ, что Ють-тасъ олбохтахъ-аи-тоѣнъ, при поднесеніи ему чарона, является на небѣ, сидящимъ на молочномъ престолѣ и благословляетъ Якутовъ и ихъ стада. Выше Юрюня нѣтъ бога, по ученію шамановъ.

Аи сытъ (подательница благъ)—богиня эта живетъ на небѣ, она благодѣтельствуетъ людямъ, посылая имъ дѣтей, облегчая роды женщинъ; вообще проявляетъ много добра, въ особенности для женщинъ, не покидаетъ въ пе-

родъ послѣ родовъ. Ей приносятъ жертвы послѣ благополучныхъ родовъ; объ обрядѣ этомъ я буду говорить особо. Аисытъ нѣкоторые называютъ иначе, именно: Кюбйй-хотунъ. Этимъ добрымъ божествамъ не приносятъ кровавой жертвы, а только отъ своей пищи.

Второстепенные добрые боги (орольжуттаръ) — Анъ-дойду итчитя Анъ-дарханъ-хотунъ (богиня, покровительствующая землѣ), живетъ на лучшихъ деревьяхъ, ниспосылаетъ злакъ и тукъ растеніямъ; она, по увѣренію шамановъ, иногда является людямъ, которые во всю жизнь послѣ того не встрѣчаютъ нужды и вполне благоденствуютъ. Жертвы ей приносятся различныя, по указанію шамановъ.

Сюгя-тоёнъ, хара-беги-тоёнъ — (богъ скота); онъ посылаетъ людямъ дѣтей, также телятъ: по увѣреніямъ шамановъ, онъ даетъ белеляхъ-кулуну и мянъяхъ-огону, т. е. жеребенка съ лысиной и ребенка съ родинкой (лысина и родинка—признакъ счастья). Размѣръ и свойство жертвы опредѣляется шаманомъ.

Уордахъ-джюсюгйй-Аи—богъ сердитый, наказывающій людей за преступленія. Умилостивительная ему жертва—лошадь или быкъ.

Учитель Припузовъ сообщаетъ, что этотъ богъ даруетъ людямъ отважныхъ мужчинъ, ретивыхъ лошадей и тяглыхъ быковъ.

Тотъ-же Припузовъ упоминаетъ про Хотай-Аи, который даруетъ людямъ физически слабый приплодъ, но за то въ большомъ количествѣ, среди коего преобладаетъ женскій полъ.

Эехситъ — богиня, неотступно сопутствующая человѣку и помогающая ему въ добромъ его намѣреніи, пользуется большой любовью и уваженіемъ Якутовъ, охотно приносящихъ ей жертвы. По увѣренію шамановъ, если Эехситъ оскорбится на человѣка и отступится отъ него, то послѣдній остается внѣ всякой защиты отъ искушеній злыхъ духовъ — это якутскій ангелъ-хранитель; кто спасается отъ какой-либо опасности, говорятъ — при немъ была Эехситъ. Ей приносятъ кобылицу.

Бай-Баянай — богъ звѣроловъ; онъ сопровождаетъ промышленника повсюду и невидимо помогаетъ въ ихъ промыслахъ. Якутъ, отправляющійся въ дальнюю дорогу за добычею звѣриныхъ шкурокъ, вырѣзаетъ изъ дерева идола, обмазываетъ его кровью животного, которое убиваетъ въ его честь. Мясомъ убитой скотины угощаютъ шамана и гостей, а статую Бай-баяна ставятъ въ передній уголъ на почетный оронъ (почетная нара въ лѣвомъ переднемъ углу). Иногда Бай-баянай остается въ своемъ углу многія лѣта.

Укуланъ—богъ рыбаковъ, живя въ водѣ, способствуетъ успѣшному лову рыбы; въ жертву ему приносятъ 2-хъ лѣтнюю телку.

Изъ боговъ и другихъ добродѣтельныхъ существъ можно назвать еще:

Кисъ-тангара — богъ соболь. Изображеніе его представляетъ видъ чело-
вѣка, одѣтаго въ соболью шкуру. Это изображеніе хранятъ въ ровдужномъ
мѣшкѣ, расшитомъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Въ важныхъ случаяхъ къ нему
обращаются за заступничествомъ, причемъ бросаютъ въ огонь масло; а также
Анъ-дарханъ-тоёнъ или Алъ-отъ-иччитя — демонъ огня; какъ
жертвоприношеніе — ему бросаютъ въ огонь часть пищи, которую ѣдятъ.

Анъ-дарханъ — маститый старецъ, онъ посредникъ между людьми и
злыми духами. Никакая жертва не совершается безъ жертвы богу огня. Онъ
дверь, черезъ которую можно войти съ жертвою къ другому духу.

Богъ огня — самое благодѣтельное существо въ жизни чело-
вѣка, во всѣхъ
обстоятельствахъ его жизни; онъ оказываетъ самое близкое и живое участіе,
потому-то ему первому и при всякомъ случаѣ бросаютъ въ огонь часть пищи,
которую хотятъ ѣсть. Это маститый, почтенный старецъ и его величаютъ:
Быряхя-бытыка-кырыль-тюсюмять, т. е. сѣдая борода, слѣдящая особа.

Демоны, или злые духи, суть:

Жохогонъ-оюнъ-кинъ-сѣ — сатана князь бѣсовъ: причиняетъ лю-
дямъ зло, болѣзни, падежъ скота, безсѣнницу; для умилоствленія приносятъ
въ жертву жеребца каурой (суръ-жагыль) масти.

Бологуръ-хотуна, Дохсунъ-дуянъ и Бахсы-тоёна-альля-
хай — демоны, первый мужчина, второй женщина; какъ увѣряютъ шаманы,
оба они были люди, но за грѣхи обращены въ злыхъ духовъ — демоновъ; они
лишаютъ людей разсудка; въ жертву имъ приносятъ кобылу чубарой (чугуръ)
масти. Джахтанъ-бырадай или Юрюнь-огустахъ былъ когда-то ша-
маномъ и имѣлъ бѣлаго быка, котораго у него украли, отчего онъ обозлился,
и его за наказаніе послѣ смерти сдѣлали демономъ. Онъ причиняетъ болѣзни,
въ особенности дѣтямъ въ груди, которая оканчивается смертію, если ему не
принесутъ въ жертву бѣлую 3-хъ лѣтнюю телку.

Сордахъ-Чонахъ, при жизни была шаманкой, она виновница раз-
ныхъ эпидемій. Шаманы передаютъ, что она видомъ отвратительна, обѣ одной
рукѣ, обѣ одной ногѣ и единственный ея глазъ у нея во лбу. Въ жертву ей
приносятъ корову красно-пеструю (кѣхъ-эбирень).

Мангынъ-кысы-тынгырахъ-кяджай, бывшая шаманка, при-
чиняетъ людямъ сумасшествіе и другія болѣзни. Въ жертву ей приносятъ ко-
рову съ прозрачными рогами и копытами, съ лысиной на лбу, съ пестрымъ
хвостомъ, шерстью красноватой (дженкирь-мостахъ-туяхтахъ, торатосахталахъ,
ала-кутуруктахъ-кугасъ). Въ честь ея дѣлаютъ идола, украшая его горно-
стаевой шкуркой; въ этого-то идола, по понятіямъ шамановъ, и можетъ быть
безвыходно заключена эта фурия. Идолъ этотъ получаетъ названіе кысъ-тан-
гара — дѣвица богиня; ставятъ его въ уголъ средней балки, отъ камина на

лѣво, т. е. на сѣверъ, и оставляется изъ рода въ родъ и на столько почитаемъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нему можетъ вызвать гнѣвъ этой фурии.

Бухарь-додаръ—демонъ смерти, онъ ѣздитъ на быкѣ Боръ-кюрюнь, т. е. на барсѣ земляннаго цвѣта; живетъ въ аду (эдянь-тюгяря), гдѣ совместно проживаютъ восемь главныхъ демоновъ, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ.

Сыры-кыса—происхожденіемъ шамана, она искушаетъ людей на разныя преступленія, жалобы и тяжбы. Ей жертвы не приносятъ, и шаманъ безъ всякаго труда прогоняетъ ее.

Сюллюкютеръ—обитатели водъ; они живутъ подобно людямъ, разводя стада. Въ водѣ много мха, который, будучи вынесенъ на сушу, превращается въ деньги, но послѣ трехъ дней снова превращается въ мохъ.

Седека—маленькая, уродливая дѣвочка, съ огромнымъ животомъ, живетъ въ хотонѣ (хлѣбѣ) и портитъ скотъ.

Кромѣ упомянутыхъ демоновъ и фурій, Якуты вѣрятъ еще въ менѣе значительныхъ, какъ напримѣръ: торбосъ-абысыта (демонъ телятъ), кялямя (демонъ сластолюбія), котораго довольно оригинально изображаетъ шаманъ; онъ описываетъ этого демона крайне не привлекательнымъ и вдобавокъ запкой. Когда шаманъ является въ образѣ кялямя, Якуты не могутъ удержаться отъ смѣху, шутятъ съ нимъ и разспрашиваютъ, откуда онъ пріѣхалъ, на что шаманъ отъ лица этого демона отвѣчаетъ, что пріѣхалъ онъ издалека, на разстояніи одной кривой сосны, переночевавъ въ дорогѣ 9 дней; нѣтъ-ли здѣсь хорошихъ дѣвокъ, спрашиваетъ демонъ далѣе, и при удовлетворительномъ отвѣтѣ, охорашивается, кривляется, что очень забавляетъ Якутовъ. Кялямя шаманъ представляетъ больше для шутки.

Шаманы учатъ, что всею вселенною управляетъ Ють-тасъ, или, какъ его еще называютъ, Айбытъ-ага (создавшій отецъ), Аи-тоёнъ (господь). Незримый и непостижимый, живетъ онъ на седьмомъ небѣ и сноится съ землей чрезъ посредство боговъ, живущихъ на низшихъ небесахъ. Всѣхъ небесъ семь. Въ преисподней тоже есть свой глава—князь тьмы. Добрые духи (Аи, боги), а равно демоны (абасы), души умершихъ, которыя за добродѣтели или за грѣхи превращены въ геніевъ или демоновъ, по мѣрѣ ихъ добродѣтели и пороковъ, и занимаютъ разныя мѣста и должности, какъ въ той, такъ и другой іерархіи, подчиняясь безпрекословно волѣ того, кому служить обязаны.

По ученію шамановъ, есть такимъ образомъ три міра: міръ небесъ (халланъ-юрдя), средній—земля (орто-дойду) преисподній — или адъ (эдянь-тюгяря). Первый—царство свѣта; низшій — царство тьмы, а земля до времени отдана Творцемъ—(Ють-тасъ-олбохтахъ Юрюнь-Аи-Тоёномъ) на волю дьявола—

соблазителя, и души людей, по смерти ихъ, смотря по заслугамъ, будутъ отсылаться въ то или другое царство. Когда-же кончится земной міръ, то души обоихъ царствъ будутъ вести войну, и побѣда должна остаться за добрыми душами, души-же грѣшниковъ будутъ преданы вѣчному мученію ада.

Создатель, предоставивъ временный земной міръ на искушеніе дьявола, въ то-же время послалъ на землю Эхесыть, ангела хранителя и души праведныхъ, которые обязаны защищать людей отъ нападеній дьявола; дьявола сила ограничена на столько, что онъ не имѣетъ напр. права лишать человека жизни. Дьяволъ есть только мечъ божій, орудіе, черезъ которое наказываются грѣшные люди, и дьяволъ не можетъ помиловать кого-либо, освободить отъ наказанія, но черезъ демона шаманъ можетъ обратиться съ ходатайствомъ къ создателю.

Шаманъ есть слуга дьявола и самъ будущій дьяволъ, но покуда душа его не разлучена съ тѣломъ, онъ пользуется дьявольскими дарами: ясновидѣнія, духовѣдѣнія, исцѣленія, злоторенія и проч., а какъ живущій на землѣ, между небомъ и преисподней, пользуется удобствомъ сношенія съ обоими; онъ, по мѣрѣ надобности, нисходитъ въ преисподнюю самъ, или вызываетъ оттуда нужныхъ демоновъ; если-же демонъ самъ чего сдѣлать не можетъ, то посылаетъ шамана въ горній міръ просить разрѣшенія Творца, и шаманъ, какъ видѣли, восходитъ на небо. Когда-же шаманъ захочетъ сдѣлать зло, то вызываетъ изъ ада того духа, который необходимъ для него, и вызванный духъ исполняетъ желаніе шамана. Злой духъ не охотно уступаетъ просьбамъ шамана—оказать кому-нибудь доброе дѣло и, лишь получивъ какое-либо жертвоприношеніе, разрѣшаетъ шаману подняться на небо за непосредственнымъ ходатайствомъ передъ Творцемъ.

Болѣе славные шаманы ведутъ свою родословную изъ глубокой древности, и нерѣдко цѣлое поколѣніе служитъ аду, и послѣдній потомокъ, при испрашиваніи помощи по своей профессіи, прежде всего обращается къ своимъ предкамъ шаманамъ, чтобы они, болѣе заслуженные, способствовали скорѣйшему исполненію его просьбы.

Какъ видно изъ предъидущаго, душа (кутъ, тынь) человека способна превратиться въ добраго духа или демона, смотря по дѣламъ при жизни человека; такъ еще и при жизни человека душа не рѣдко разстается съ нимъ, напр. во время сна. Человекъ заболѣваетъ отъ того, что душу его поймалъ дьяволъ, и если онъ продержитъ ее долѣе возможнаго, то человекъ долженъ умереть; по просьбѣ больного или его окружающихъ, шаманъ можетъ возвратитъ больному его душу; если-же душа не возвратится и человекъ умретъ, значитъ гнѣвъ демона не могъ быть умиловленъ, по причинамъ отъ шамана не зависящимъ. Бываетъ и такъ, что душа, отлучившись отъ тѣла на

время, заблудившись, долго не возвращается на свое мѣсто, а возвратившись черезъ долгій промежутокъ находить свою оболочку уже не годною къ воспріятію ея, тѣло разложилось и душа съ грустью отлетаетъ, поселяясь въ тѣло близкаго родного бывшего своего храма; много подобныхъ случаевъ переселенія рассказываютъ шаманы своимъ вѣрующимъ.

Шаманы утверждаютъ, что послѣ смерти человѣка, въ немъ еще остаются на время слѣды его души, вѣрнѣе, душа продолжаетъ еще витать около своего прежняго обиталища, потому-то до погребенія, вообще во время присутствія души около тѣла, трупъ продолжаетъ слышать и видѣть все происходящее вокругъ него, и Якуты стараются быть осторожными при мертвецахъ. Со смертью человѣка, душу его беретъ дьяволъ и водить по мѣстамъ, гдѣ при жизни своей бывалъ покойный и наказываетъ ее тамъ, гдѣ человѣкъ грѣшилъ. Такое мытарство продолжается одну ночь и только не водить дьяволъ душу покойнаго, гдѣ стоитъ крестъ (въ позднѣйшее время), почему Якуты, чтобъ избавить своего сородича отъ лишнихъ наказаній, ставятъ вокругъ юрты деревянные кресты. Якуты обыкновенно хоронятъ въ день смерти и чтобы не привести за собой демона смерти, возвращаясь съ погребенія, разжигаютъ по дорогѣ домой костры, которые перепрыгиваютъ, увѣренные, что демонъ смерти, боясь огня, не послѣдуетъ за ними, и они тѣмъ самымъ освобождаются отъ преслѣдованій ненавистнаго имъ духа смерти. Надъ этимъ-же огнемъ вытряхиваютъ платье покойника, чтобы вытрясти изъ него демона, если-бы онъ вздумалъ туда забраться. Хоронить стараются на курганахъ, чтобъ приблизить покойника къ небу; курганы обыкновенно песчаны и сухи, въ нихъ легче рыть могилу, чѣмъ въ солонцеватыхъ низменностяхъ.

Какъ сказано было раньше, Якуты около двухсотъ лѣтъ тому назадъ поклонялись явленіямъ природы, почему интересно ознакомиться съ возрѣніями обитателей Якутской области на эти явленія, какъ съ остатками у нихъ космогонической мифологіи.

Громъ (этингъ) и молнію (чагылганъ) производятъ два небесныя божества! Жам(н)ъ-бурай (удалой ревунъ) и Сюгя-тоенъ (топоръ господинъ). Припузовъ говоритъ, что они посылаютъ свои удары, чтобы преслѣдовать злыхъ духовъ; я же слышалъ, что, кромѣ того, цѣль ихъ паденія очистить землю отъ разныхъ болѣзней, иногда-же громъ и молнія вызывается шаманомъ, который, обиженный кѣмъ либо, проситъ боговъ поразить молніей его обидчика, или то, что ему дорого.

Затѣмъ, соглашаясь вполне съ изложеннымъ у г. Припузова, повторяю за нимъ остальное: къ оживленію человѣка, пораженнаго молніей, не употребляютъ никакихъ средствъ. Животныхъ, убитыхъ молніей, ѣдятъ. Когда сильно загремитъ громъ, Якутъ достаетъ осколокъ дерева, разбитаго молніей, который

имѣется почти въ каждой юртѣ и имъ окуриваетъ юрту кругомъ, произнося: Жам(н)-Бурай-жасында, сюгя-тоенъ-сюльгяйдя, арчы, арчы, т. е. удалой ревунъ ревнулъ, топоръ—господинъ зашевелился, прочь, прочь! Съ окуриваніемъ нечистый духъ, скрывавшійся въ юртѣ отъ преслѣдованія неба, выгоняется и люди избавляются отъ болѣзней, которыя съ собой приносятъ эти злые духи.

Осколокъ бросается въ поле, далеко отъ юрты, чѣмъ устраняется ударъ молніи. Якуты находятъ въ полѣ послѣ грозы круглые камни или продолговатые, какъ долото, ихъ считаютъ упавшими съ неба—громовыми стрѣлами. Они употребляются какъ цѣлебное средство (напр. скоблятъ ихъ и порошокъ въ водѣ даютъ пить для извлеченія дѣтскаго мѣста или противъ задержанія мочи). Также, какъ говоритъ Припузовъ, такой камень хранятъ, увѣренные, что онъ избавляетъ отъ опасности грозы.

Припузовъ говоритъ, что у Якутовъ существуетъ повѣрье, что внутри животныхъ можно найти каменныхъ идоловъ, которые имѣютъ такую силу, что только стоитъ вынести на открытый воздухъ въ лѣтній день, какъ произойдетъ вѣтеръ. Камни эти называются сата. О такомъ повѣрьи мнѣ не приходилось слышать, но не отрицая его, добавлю, что я видѣлъ такіе камни, что они не болѣе какъ послѣдствіе болѣзни животнаго, у котораго внутренность почечной лаханки пополняется камнемъ; животное заболѣваетъ, его прирѣзываютъ, мясо ѣдятъ, и тутъ-то обнаруживается каменная фигура въ родѣ уродливой индюшки.

Съ распространеніемъ христіанства шаманство мало-по-малу, какъ уже не однократно сказано раньше, видоизмѣняется, поступаясь старинными обычаями, такъ точно и приводимая ниже языческая присяга отошла въ прошлое и въ настоящее время едва-ли гдѣ имѣетъ свое первобытное значеніе: «я униженно стоящій человекъ передъ существующими на славныхъ семи небесахъ: Юрюнь-ай-тоенъ, Сюгя-тоенъ, Бай-баянной-тоенъ, Ордахъ-ай, передъ солнцемъ, умѣющимъ столько-же сіяній и передъ закономъ бѣлаго царя моего, стоя на колѣняхъ передъ огнемъ, клянусь и обѣщаюсь показать самую истину безъ всякаго лицепріятія, но только то, что лично самъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякой лжи и утайки; если же въ нарушеніе сей моей клятвы, что покажу ложно или отрекусь отъ истины, то заклинаю себя, чтобъ языкъ мой притянуть былъ къ затылку, глаза мои обратились въ ледъ и лишиться мнѣ языка и движенія рукъ и ногъ моихъ, да буду ползать на сѣдалище. Господь Богъ не покажетъ мнѣ добра въ женѣ и дѣтяхъ моихъ и земнаго богатства, да отвернется лице мое къ задѣ и брошенъ буду лицомъ на черную землю. Создатель неба и земли поразитъ меня пронизывающимъ взоромъ, да не буду ходить на землѣ и не увижу своихъ ближнихъ; да получу себѣ смерть раз-

личными на свѣтѣ проказными болѣзнями, которыми облекусь, какъ одеждою, и не увижу свѣтозарныхъ лучей солнца; да провалюсь я въ преисподнюю, гдѣ постигнуть меня различныя мученія. Да буду Всевышнимъ Богомъ проклятъ, если, вопреки моей клятвѣ, я не буду говорить самую правду. Затѣмъ пусть накажутъ меня наказывающіе за всякія несправедныя дѣла нечистые духи: Тоемъ-кинясь (Жохсогонъ-ола-кинясь?) и шаманка Хотунъ-чонахъ (Сордихъ-чонахъ?). Изъ дома-же присутственнаго мѣста, поставленнаго по закону бѣлаго царя, заклинаюсь не выдти за порогъ, а выползти мнѣ подъ оный. Зависимый отъ Бога огонь да застрѣлитъ меня въ становую жилу. Вся эта клятва обратится на виновнаго и злоторящаго изъ насъ на вѣки вѣковъ. Злой духъ на водахъ не пропуститъ меня мимо, а погрузитъ меня, какъ камень, на дно. Послѣ сей моей клятвы, если буду уличенъ свидѣтелями въ ложномъ принятіи оной, подвергаю себя разнымъ жестокимъ царскимъ наказаніямъ».

Объ образованіи земли Якуты передаютъ такую легенду: теперь видимая земля раньше была вся залита водой и представляла обширное, безконечное море. Однажды Ють-тасъ-олбохтахъ Юрюнь-ай-тоенъ летѣлъ надъ этимъ моремъ и, увидавъ плавающего пузыря, спросилъ его, кто ты и откуда? Пузырь отвѣчалъ, что онъ сатана и живетъ на землѣ, которая подъ водой. Ай-тоенъ и говоритъ: если правда, что подъ водой земля, то достань мнѣ кусокъ ея. Сатана погрузился въ воду и черезъ нѣкоторое время выплылъ съ кускомъ земли. Богъ взялъ этотъ кусокъ, благословилъ его и легъ на него. Увидѣвъ это, сатана задумалъ утопить Бога и сталъ тянуть этотъ кусокъ земли, но чѣмъ больше онъ тянулъ, тѣмъ шире она растягивалась къ его огорченію и покрыла большую часть воды; такъ-то образовалась земля, на которой теперь живутъ люди ¹⁾.

В. Л. Приклонскій.

Т А Б Л И Ц А III (къ главѣ V).

Распределение населенія области по вѣроисповѣданіямъ за 1887 г.	м.	ж.	Итого.
православнаго	128.237	123.541	251.778
католическаго	112	17	129
протестантскаго	12	3	15
послѣдователей разн. хр. сектъ	834	593	1.427
іудейскаго	260	229	489
магометанскаго	1.167	666	1.833
Итого	130.622	125.049	255.671

¹⁾ Эта глава уже была напечатана въ Зап. Восточн. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Здѣсь она помѣщена съ нѣкоторыми исправленіями и измѣненіями почтеннаго автора. *Ред.*